

КАЖДУЮ новую работу Даниила Гранина ждешь с особым интересом и нетерпением, потому что знаешь: она всегда будет неожиданной, именно новой, отличающейся во многом от предыдущих публикаций. Чтобы далеко не ходить за примерами, возьмем его прозу последнего десятилетия. Здесь и «Сад камней» — повесть-диалог о Японии, о взаимоотношениях науки, морали, искусства, о нравственной ответственности ученого за результаты своих исследований, о трагедии Хиросимы и Нагасаки. Здесь и повесть-размышление «Эта странная жизнь» о судьбе биолога и математика, ученого энциклопедических интересов А. Любичева. А рядом — «Обратный билет» — повествование о поездке на «малую родину», повесть «Клавдия Вилор», недавно удостоенная Государственной премии СССР, — драматическая история женщины-комиссара времен Великой Отечественной войны. Наконец, сегодня Д. Гранин вместе с известным белорусским прозаиком и литературоведом А. Адамовичем пишет документальную книгу о ленинградской блокаде. И подходит к концу работа над повестью «Картина».

На первый взгляд, соединить эти произведения в единое целое крайне трудно. Скорее можно говорить о разносторонности знаний прозаика, многих его интересах. Между тем, вчитавшись глубже, ощутишь, что у гранинской прозы, если можно так сказать, единая кровеносная система, что в ней все время ведется переключка, которая втягивает в себя не только книги последнего десятилетия,* но и едва ли не все творчество Гранина, его знаменитые романы «Искатели», «Иду на грозу», его многочисленные повести и рассказы.

Легче всего выделить тематическое родство. Прежде всего это стойкий интерес Д. Гранина к человеку науки и человеку в науке. Образ ученого, раздумья о его духовном мире проходят через рассказы, повести, романы, киносценарии, созданные Д. Граниным за тридцать лет работы в литературе. Здесь многое определила учеба в Политехническом институте, инженерная работа будущего прозаика. Судьба обусловила и другую сквозную тему его творчества, связанную с Великой Отечественной войной. Гранин довольно много писал да и пишет о войне. Достаточно вспомнить его рассказы из цикла «Молодая война», уже названную «Клавдией Вилор», «Главы из Блокадной книги». Казалось бы, есть все основания причислить его к прозаикам фронтового поколения, а произведения ставить в ряд, скажем, с прозой Юрия Бондарева или Василия Быкова. Однако книги Гранина выделялись бы из этого ряда. И дело здесь не только в широте интересов писателя, но и в особом духовном мире гранинской прозы, в который властно входит память о войне, но который этой памятью не ограничивается.

Мне представляется, что сводит в целое, цементирует гранинскую прозу мысль прозаика о человеке, его существовании и нравственных возможностях.

Восстановим прихотливую смену настроений журналиста Глеба Фокина из «Сада камней», вызванную встречей с

Японией. Первоначальная оглушенность экзотикой «страны восходящего солнца» («Я чувствовал себя разведчиком, заброшенным на другую планету») сменяется неожиданной и прозревающим: «Японию откроют и без меня. Сейчас модно писать про Японию. Но открыть в ней что-либо можно, по-видимому, лишь открывая что-то в себе самом». На смену чувству резкого несходства приходит узнавание, уподобление. И обилие товаров в супермаркете напоминает вещи юности — старинный альбом отца с фотографиями камчатской экспедиции, тщательно перевязанные пачки писем, наконец, чайник, разбитый в юности и такой же вновь увиденный в громадном токийском универ-

суме. Когда не живешь так полно, как путешествуя. Этой «охоте к перемене мест» обязаны мы появлением путевой гранинской прозы — его книги «Примечание к путеводителю», «Прекрасная Ута», «Месяц вверх ногами» да и того же «Сада камней». Но ведь в этих повестях рассказано не только о далеких странах, но уже намечается путь к себе, к началу жизни, ее истоку. Так появится «Обратный билет», повесть о поездке в Старую Руссу, в край детства, который во время войны «был уничтожен», а память сохранила лишь «какие-то звуки, касания, названия деревьев». И при этом настойчивая потребность встречи с родными краями, убеждение: «если я не поеду

к «фундаменту природы». Рассказ о поездке в мир детства превращается в исповедь о прожитом, в раздумья о человеке, о доброте, о том, что «прежде всего любовь улучшает человеческий род, о необходимости «сочувствия» к природе.

«Сад камней», «Обратный билет» — повести исповедальные, пронизанные стремлением героя заглянуть в глубину своего духовного существования, ответить на вопрос: «кто я?». Но Гранину важно, чтобы человек не только устремлялся к себе, но и умел оглянуться вокруг, найти пример, образец человеческого поведения. Писатель чутко ощутил потребность нашего времени в героях, нравственные качества которых были бы достойны

дию плена и даже в тех нечеловечески жутких условиях сохранивших себя, проявивших героизм». «Клавдия Вилор» — это повесть о неисчерпаемости резерва человечности в человеке: «Многое из того, что происходило в войну, кажется ныне непостижимым. Кажется, что вынести это невозможно. Совершить это человеческому духу и организму невероятно, невероятно даже с точки зрения чисто физиологических ресурсов, с точки зрения медицинских законов. Многие невероятно так же, как, например, невероятным кажется то, что происходило в ленинградскую блокаду с людьми, которые жили, работали, существовали, хотя они «должны были» давно умереть. Судеб таких достаточно много, чтобы чудо человеческого духа предстало перед нами именно чудом, непонятным, невозможным, необъяснимым».

И опять мы явственно ощущаем, как «внутри» одной гранинской книги начинается образцовый завязывающий произведение. И повесть «Клавдия Вилор» прочно соединится в нашем сознании с «Главами из Блокадной книги» А. Адамовича и Д. Гранина, опубликованными год назад в «Новом мире». Среди многих драматических, патетических эпизодов этого произведения есть один ключевой. Авторы приводят рассказ ученого-пищевика А. Беззубова о встрече с профессором Цигельмайером, который консультировал нацистское руководство, что следует сделать, «чтобы скорее уморить Ленинград голодом». Расчеты были выполнены педантично, безукоризненно, и по ним следовало, что «жители города должны, обязаны умереть, а они продолжали жить, они двигались, они даже работали, нарушая незыблемые основы науки». Из жестких и бесчеловечных расчетов профессора выпало главное, самое, наверное, существенное — величие веры, «духовные резервы» ленинградцев, которые привязывались к станкам, чтобы не упасть, и продолжали работать, которые вели экскурсии по пустынным залам Эрмитажа и занимались научным поиском, которые в самых невероятных условиях сохранили огонь человечности. И этот огонь позволил выжить и победить.

Эти заметки я начал с последних книг Даниила Александровича Гранина, художника активной партийной, гражданской и нравственной позиции. Окончить же их хочется самой первой гранинской публикацией — рассказом «Вариант второй». Он — о молодом ученом, который в канун защиты диссертации узнает, что подобная же научная работа была выполнена другим, не вернувшимся с войны. Как поступить? Идти на защиту, совершив сделку с совестью? Или избрать второй вариант, рассказав о работе погибшего Анатолия Николаева? Молодой герой рассказа с честью проходит первое нравственное испытание.

С поры опубликования рассказа прошло тридцать лет. Мысленно оглядывая творческий путь Д. А. Гранина, думаешь о том, как много сделал он после литературного дебюта, думаешь о верности художника своей основной теме.

В. ЛАВРОВ,

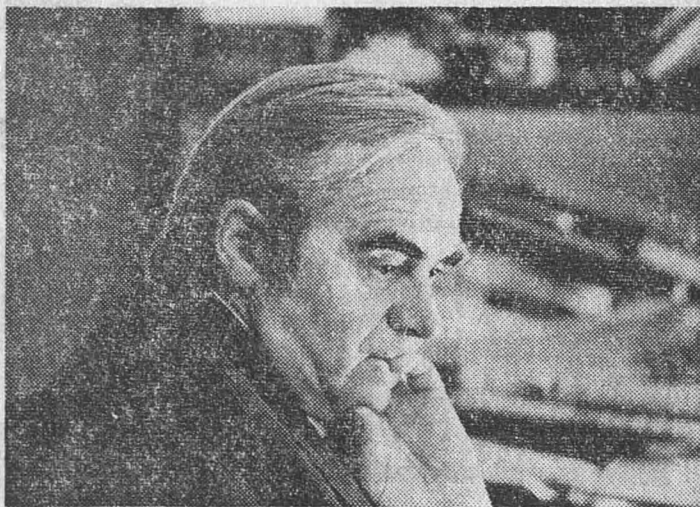
кандидат филологических наук

На снимке: писатель Д. А. Гранин.

Фото Н. НАУМЕНКОВА (ЛЕНТАСС)

НЕИСЧЕРПАЕМ РЕЗЕРВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

ШТРИХИ
К ТВОРЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ

маге. Посещение героем университета становится своего рода предисловием к самому Саду камней. Сначала для Глеба Фокина он предстанет бессмысленным нагромождением: «обыкновенные камни, посреди песка... Я чувствовал себя ринноватом. Я ни черта не видел в этих камнях». Но потом, может быть, и неожиданная, и наивная ассоциация, и столь же наивный вопрос («Какой из этих камней был я?») прорвет зону отчуждения, и один вопрос потянет за собой другой: «А каков ты?»

«В сущности, — признается герой повести, — оказывалось, я толком не знал, какой я есть... Столько лет прожить с самим собою — и не представлять, что я есть: добрый или злой, решительный, скрытый или открытый, мне всегда кажется, что я могу быть таким, а могу и другим. «Познай самого себя» — а ведь никогда этим не занимался, и в голову не приходило».

Эти раздумья, эти вопросы как бы уже предвещают появление «Обратного билета». Поначалу повесть кажется неожиданным, находящейся на обочине основного пути писателя. Гранин долгое время был чужд элегической тоски по миру детства. Он легко снимался с места, убежденный: «... Чем больше я езжу, тем больше узнаю мир... ни-

в свое детство, никто его не посетит, никому, кроме меня, нет до него дела».

Сюжет повести развивается сложно, разветвленно, вбирая в себя и собственно рассказ о поездке в родные края, и превосходный очерк о Старой Руссе, мемориале Достоевского, его хранителе «нездешнем и счастливым безумце» Георгии Ивановиче Смирнове, и мелькнувший, но запомнившийся портрет сельского педагога, прочитывавшего сорок лет на одном месте, и картины многоголосого и неутоленного быта Ленинграда конца двадцатых годов, сохраненные памятью в десятках, возможно, и малозначимых, но дорогих для автора примет.

При этом «Обратный билет» не распадается на отдельные заметки и фрагменты. Есть в повести глубокие токи, соединяющие ее в одно целое. Многие здесь проясняют слова Достоевского из «Братьев Карамазовых», которые приводит Гранин: «нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впрямь для жизни, как хорошее какое-нибудь воспоминание и особенно вынесенное из детства».

Повесть проникнута стремлением прорваться сквозь толщу времени к миру детства, к основам самого себя, к лучшему в себе, к запасам «безошибочной любви, доброты, радости, веры в будущее»,

подражания.

У повестей «Эта странная жизнь», «Обратный билет» и «Клавдия Вилор» есть единый, сквозной мотив жизни как каждодневного подвига, соединяющий судьбы ученого — естествознателя, хранителя мемориала Достоевского в Старой Руссе и комиссара страдной военной поры. А эссеистская форма повестей, свободная манера изложения, сцепления материала позволила прозаику впрямую высказать сокровенные думы о человеке.

Размышляя о делах и днях Любичева и о его системе времени, «снимая» бездумную восторженность, удивление перед судьбой человека, всю сознательную жизнь поминутно контролировавшего дела и свершения, Гранин стремится дойти до истока, до основной побудительной причины избрания такого образа жизни. Он связывает каждодневное существование человека, его работу, его радости и боли, житейские передергивы с этическими исканиями, с твердостью нравственной позиции. Для Гранина система времени, разрабатанная Любичевым и подтвержденная всей его жизнью, — «постоянное преодоление», «многолетняя полемика»: «С чем? С обычной жизнью. С желанием расслабиться и жить расточительно, не считая минуты, как жили все люди вокруг него». Для автора «Этой странной жизни» судьба Любичева — «труднейший подвиг мерности, каждодневности». Это, утверждает Гранин, было «больше, чем подвиг, — была хорошо прожитая жизнь». И задает себе и нам, читателям, еще более сложный вопрос: откуда человек берет силы, чтобы бросить вызов времени, обстоятельствам, слабостям собственной природы?

О законе силы духа человеческого размышляет Гранин и в повести «Клавдия Вилор», рассказывая о стойкости и мужестве женщины — комиссара. «Разобраться в этой судьбе, — свидетельствует сам автор, — мне было важно и потому, что за ней угадывались судьбы сотен и тысяч людей, прошедших через траге-